Инга Максимовская
Тебе всё просто ПОКАЗАЛОСЬ, родная

Инга Максимовская

Тебе все просто показалось, родная!

«Инга Максимовская»

2026

Максимовская И.

Тебе все просто показалось, родная! / И. Максимовская — «Инга Максимовская», 2026

– Ты у меня идеальная, знаешь? – Правда? – Конечно. Дом – как с картинки. Ты – как с обложки. – А ты? – А я просто счастливый муж. – Счастливый… с кем? – Маш, ну опять? Ты себя накручиваешь. – Я видела сообщение. – Глупости. Тебе все просто показалось, родная. – Тогда почему ты шепчешься за закрытой дверью? – Ты правда думаешь, что я стал бы вот так палиться? – Я думаю, что уже поздно притворяться. – Маш… ты всё рушишь. – Нет. Это ты разрушил. Просто я наконец услышала.

© Максимовская И., 2026
© Инга Максимовская, 2026

Содержание

Пролог 5
Глава 1 7
Глава 2 9
Глава 3 11
Глава 4 13
Глава 5 15
Глава 6 17
Глава 7 19
Глава 8 21
Глава 9 23
Глава 10 25
Глава 11 27
Глава 12 29
Глава 13 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Инга Максимовская
Тебе все просто показалось, родная!

Пролог

Мой дом всегда сияет. В кухне идеальный порядок. На плите кастрюля с борщом. В духовке конфи из утки. В холодильнике застывает лимонный сорбет. Его любимый десерт.

Я – безупречная жена, хозяйка, образцовая мать. Вся моя жизнь расписана по минутам. Дом, фитнес, салон красоты, личностные тренинги. Нужно поддерживать себя в форме. Мой муж должен мной гордиться.

Я надеваю новое платье, купленное для сегодняшнего ужина. Делаю лёгкий макияж. Скольжу взглядом по часам. Костя задерживается. Хоть и знает, что этого я не люблю. Наверное, родители заставили его побыть у них подольше. Он должен был завезти к ним Мишутку, нашего сына. Значит, у меня есть немного времени на отдых. Я позволяю себе его крайне редко.

Аккуратно опускаюсь на диван. Новое платье не будет идеальным, если помнётся.

Планшеты я не люблю. Они отнимают время и рассеивают внимание. Но сегодня рука сама тянется к мини-компьютеру, лежащему на специальной подставке – на стеклянном журнальном столике, отполированном до бриллиантового блеска.

Пятнадцать сообщений.

“Я заждалась, соску…” – пытаюсь открыть пуш, всплывший вверху экрана, хотя никогда в жизни не читала сообщений, присланных моему мужу. Я же выше этого? Должна быть выше.

Планшет запаролен? Костик поставил цифровой пин? В душе поднимается вихрь. Я делаю несколько дыхательных циклов. Пытаюсь успокоить себя. Я же уверена в себе. Мой муж – только мой. Иначе и быть не может. Таким, как я, не изменяют. Я полностью себя переделала под мужа. И он всегда говорит, что я – его мечта. Его идеал. Штучный товар.

Всему есть объяснение. Вот сейчас Котик приедет, разведёт руками все тучи. Господи, ну какая глупость.

Выдыхаю на счёт восемь. Слышу тихий писк домофона. Даже дома я на каблуках. Ещё в начале нашего брака Костя сказал, что хочет видеть меня не в кроссовках, а в туфлях на каблуке. Я привыкла. Иду встречать мужа. Ноги странно-ватные, но я улыбаюсь. Он не должен видеть меня разбитой, расстроенной, глупой.

– Дорогая, я дома, – родной голос почему-то сегодня мне кажется ненастоящим. И всё вокруг какое-то глянцевое. Глянцевое. Не настоящее. Да нет, всё в порядке. Всё как всегда. Костик целует меня в щёку холодными с улицы губами. И пружина в груди, вместо того чтобы ослабнуть, свивается, кажется, ещё туже. Может, мне уже кажется, что я слышу лёгкий аромат приторных духов. Даже не аромат – шлейф. – Детка, ты как всегда восхитительна. Что у нас на ужин?

Его не накормили там, где он был? Господи, я накручиваю себя. Это неправильно. Костик не любит истерик. А я правильная жена.

– Ты поставил пароль на планшет? – интересуюсь я, наливая в фарфоровую супницу борщ. Стараюсь звучать буднично. Спокойно.

– Да. Мой онлайн-банк потребовал. Для безопасности.

Господи, ну конечно. Как же всё просто. Костик не нервничает. Расправляет белоснежную тканевую салфетку, стелит её на колени. – Машуля, я сто раз тебе говорил, купи себе свой планшет.

– Я не люблю. Ты же знаешь, – дёргаю я плечом. Да, всё просто. Банк, пароль, мой муж. Вот только как быть с не до конца мною прочитанным сообщением. Сомнения колышутся в душе душным туманом. Мешают дышать. – Просто хотела прочитать статью про…

Про что? Про измены? Про обманутых жён? Про молодых любовниц? Про седину в бороду? Господи, ну ведь скорее всего есть объяснение всему. Да точно есть.

– В борще не хватает соли. Маруся, – Костя промакивает губы кипёной тканью, оставляя на ней розовые свекольные пятнышки. Меня передёргивает от чего-то это, в сущности, правильное осквернение чистоты. – Учти, пожалуйста, на будущее. Пампушки восхитительны.

– Котик, а кто тебя заждался? – вдруг выпаливаю я. Никогда не теряла выдержку, но сегодня… Борщ ему не досолен? Борщ? Господи, у меня в душе ураган, а ему борщ не досолен. Да что со мной? Словно разбивается что-то внутри. Какая-то стена стеклянная.

– Не понял? – приподнимает бровь мой муж. – Детка, ты здорова?

– Тебе пришло сообщение. Я случайно увидела пуш. Там тебя кто-то заждался, – воздух выходит со свистом из сжавшихся связок. – Кто, Костя?

– Маш, ты чего? – удивление в глазах мужа кажется мне поддельным. – Ты ревнуешь, что ли? С ума сошла? Я с работы домой, из дома на работу. Когда бы мне успеть?

Да. Да, чёрт возьми, он прав. Я просто напрасно разбила чёртову витрину, в которую превратилась моя жизнь.

– Ты уже просто сходишь с ума. Я понимаю, ты одна, тебе скучно. Обещаю, что возьму выходной. Кстати, нас Борис пригласил в гости за город. Съездим, развеемся. Ты снова всех затмишь. Ты же у меня эталонная…

Да. Эталонная. Я не хочу ехать за город, общаться с Борисом и его очередной, ещё более молодой женой. Они у него год от года всё моложе и моложе. Я не хочу снова смотреть, как мой муж заискивает перед своим боссом. Не хочу поддерживать идиотские разговоры, крутящиеся вокруг тряпок, силикона в сиськах и Куршевеля. Я страшно устала. А чего я хочу?

– Конечно, милый, – снова улыбаюсь я. По инерции, потому что так надо.

– Наденешь новые серьги. Ну же, не дуйся. Тебе всё просто показалось, родная.

– Тогда покажи мне полные сообщения, – словно чёрт меня дёргает за язык.

– Конечно. Сразу после ужина. Но я тебя накажу потом за неверие, – раздражённо хмыкает муж, и в его глазах появляется огонь. – Ох, что я сделаю с тобой.

Сердце колотится в рёбра. Что я хочу? Ответ на этот вопрос отходит на третий план. Я ведь люблю мужа. Очень люблю. Он идеальный. Я должна соответствовать. Грудь сдавливает в предвкушении…

Достаю из духовки утку. Сервирую. Веточка тимьяна, клюквенный соус, кусочек золотой пищевой фольги.

Сейчас он мне покажет сообщения, и я пойму, что просто дура. Накрутила себя. Нужно записаться к психологу. И записаться ещё и на йогу, чтобы не было времени сходить с ума. Завтра же сделаю. А пока надо записаться к парикмахеру. Не ехать же за город без укладки.

Прямо сейчас возьму мой ежедневник и…

Глава 1

Мария

Костик ест спокойно. Размеренно. А у меня в груди растет дыра. Улыбаюсь, подаю мужу салфетку. Но по-настоящему хочу сейчас схватить со стола тарелку и опустить ее на голову довольного мужа. Я не знаю, что со мной происходит. Впервые меня посещает подобное желание. И это пугает.

А я ведь не такая. Я люблю мужа. Я всегда тащусь, когда он вот так ест, растягивая удовольствие. Это значит, ему вкусно и он доволен.

Всегда тащусь, но не сейчас. Надо сходить к врачу. Проверить гормоны. Надо, надо, надо…

Костик доедает утку. Размеренно собирает с тарелки кусочком хлеба остатки подливы, делает глоток воды из кристально чистого стакана. Все как всегда, вроде. Улыбается. Дыра в груди начинает потихоньку затягиваться. Пульсирует, словно рана, начавшая подживать, но расковырянная снова.

– Ну что, Маруся. Пойдем, покажу тебе свою ужасно страшную тайну, которую ты себе выдумала. Глупышка ты у меня.

Ненавижу, когда он так меня зовет. И вот эту снисходительность в его взгляде и улыбке.

Господи, что я несу? Я идеальная жена. Я мужа обожаю. Я его боготворю. Я не могу ненавидеть в нем что-либо.

Устала просто. Сейчас все выяснится, и мы вместе с Костей посмеемся над моей бабьей глупостью. Потом включим телевизор или Шопена послушаем. Или… Внизу живота свивается тугой ком.

Я иду за мужем в гостиную. Натянута, как струна. Хотя и понимаю, что полная дура. Ну разве был бы он так спокоен, если бы действительно ему писала другая женщина. Слово «любовница» даже в мыслях не хочу произносить. Ну, конечно, я просто накрутила себя.

– Так, вот планшет, – Костик берет в руки чертов гаджет. Делает несколько едва уловимых пасов над экраном, пароль вводит. Он легкий. Пароль у него – день рождения Мишутки. Ледяные клещи, сжимающие душу, слабнут. Мой муж – настоящий семьянин. И как я могла подумать, что в его компьютере, в котором даже пароль родной и теплый, может быть какая-нибудь гадкая развратная переписка? Глупость несусветная. Правда же? Я ведь ради Кости даже с семьей своей порвала общение. Сестре не звонила два года только потому, что она назвала моего мужа лицемером. Он настоящий. Он…

– Ох, Машка. Затейница. Держи, – сует мне в руки планшет Костя. Я смотрю на экран. Или я схожу с ума, или… Сердце снова делает кульбиты, такие резкие, что аж дух захватывает.

Имя – мужское. Виктор, вроде. Никаких «соску», никаких «заждалась». Но я ведь видела. Я же не могла придумать…

Просто. Пусто.

– Ну, трагедия развеялась? Можно отдыхать?

Я листаю выше, ниже. Ничего нет крамольного. Рабочие СМС-ки, дромовой чат. И Виктор с пустыми строчками. У меня пальцы холодеют. И дыра в груди, кажется, сейчас поглотит все в этой комнате.

– Кость. Но… Я… видела…

– Маш, – перебивает он. Уже не мягко. – Ты правда думаешь, что я бы стал вот так палиться? Детка, только тебя люблю. Ты – единственная. Просто устала. Слишком идеальной всегда быть очень сложно, – его пальцы впиваются в мои плечи. Массируют. А ведь я давно могла бы ему сказать, что он не умеет делать массаж. Что кроме боли и от этого действия я ничего не получаю. Почему не сказала, что мне неприятно? Чтобы не расстраивать, чтобы не

оттолкнуть. Зря не сказала. И сейчас молчу. – Давай вина выпьем, ты белье новое наденешь… Машка, ну будь умницей.

Умницей – это значит снова идеальной. Это значит исполнять все желания игриво настроенного Костика. Это значит снова быть идеальной.

Я молчу. Я не хочу ничего. Мне нужно прийти в себя.

– Хорошо. Но мне нужно в ванную сначала, – давлю улыбку. Умница я. Я умница. – Ты же хочешь шикарную жену.

Тишина. Часы на стене тикают слишком громко, хотя производитель обещал бесшумный механизм. И шторы эти надо сменить. Очень тяжелые. Давящие.

– Очень хочу шикарную, а не истеричку с манией преследования. Давай, Машута. Мишка у родителей. Я докажу тебе, что ты одна меня возбуждаешь. Только ты. Ты просто устала, – добавляет он уже спокойно. – Я же вижу. Надо расслабиться.

Планшет аккуратно забирает из моих рук.

Как будто у ребенка.

Я иду в ванную. Прекрасная возможность расслабиться и подумать. Пускаю воду, смотрю, как она заливает дорогую фаянсовую купель. Мы с Костей долго ее выбирали, спорили. Он считает, что бронзовые гнутые ножки – ужасный кич, а мне нравится. И я выиграла в тот раз наш спор. Редкий случай.

Улыбаюсь. Трогаю пальцами воду, проверяю температуру. Теперь пена, бомбочка с маслами. Все уходовые средства выставляю по ранжиру. Полотенце вешаю мягкое, пушистое на крючок. Халат… Я забыла взять халат. И белье новое. Шикарное белье. Дорогое. Но я не удержалась – купила. Мама всегда говорила, что мужа надо баловать и радовать.

Мама. Надо ей позвонить. Забыла уже, когда с ней разговаривала. Некогда. Растворилась в быту, семье. Вот где я неидеальна.

Заматываюсь в полотенце. На цыпочках выскальзываю в прихожую. Костя не любит меня видеть вот такой – растрепанной, несобранной. Да ему и не нужно. Бегу в гардеробную. Халат и тапочки возьму. Ну, не тапочки, а скорее туфельки на каблуке. С бельем будет…

– Викусь, ну сто раз тебе говорил, не пиши мне, – приглушенный голос мужа, несущийся из его кабинета, заставляет меня затормозить. Босые ноги скользят по паркету, и я хватаюсь рукой за комод, чтобы не грохнуться об пол. Лучше бы уж приложилась головой со всей силы, чем… – Малыш, я тоже соскучился. Безумно. Думаешь, что я сейчас делаю? Я представляю тебя и…

Он со мной не говорит так. Никогда. Тягуяче, заискивающе, мурлчаще. НЕЖНО. Со мной он разговаривает как с функцией.

Меня тошнит. Сейчас вырвет. Зажимаю рот ладонью. Опускаюсь на пол.

– Да какая тебе разница, где эта ледяная дура? В ванной, вроде. Ну, малыш, не ревнуй. Она же бревно, ледяное и снулое. У нее все по расписанию. Нет, детка. Секса у нас с ней нет давно. Но ты ведь понимаешь… Конечно поговорю с ней, но сейчас не время. У меня повышение на носу, да и ее болезнь прогрессирует. Ну как я буду выглядетьв глазах руководства? Ну же, малыш. А у меня есть подарок для тебя. Шикарный. Приеду. Не сейчас. Завтра приеду. Обязательно приеду. Прекрати. Что ты творишь? Ох, что я с тобой сделаю. Даже сейчас тебя представляя, у меня вст…

Я не слушаю больше. Ползу в сторону ванной. Реально ползу, на карачках. Позорно и ужасно отвратительно. Ванная уже переливается. На полу расплываются пенные кляксы. Плевать. Я припадаю спиной к ледяному кафелю и пытаюсь заплакать. Но не могу. Не получается.

Кажется, что я слышу, как трещит шикарный фаянс. С грохотом оглушительным. Нет, это моя придуманная идеальная жизнь трещит по швам.

Глава 2

Мария

Муж меня ждет, развалившись в кровати. Возбужден и недоволен. Ноздри раздувает. А я чувствую себя облитой грязью, не спасает даже халат из шикарного китайского шелка, которым я задрапировала тело так, чтобы закрыто было все. Дорогой халат. И в ванной я себя терла до боли, пытаясь смыть отвратительное липкое чувство. Ничего не спасает. Мну ткань на груди. Тяну до самого горла.

Меня трясет, лихорадит. Знобит. Дома тепло, мы сделали шикарное отопление, но я задубела до состояния льдышки.

“Она ледяное бревно” – звучит в мозгу назойливой мухой насмешливый голос Костика. Моего Костика. Любимого и единственного. Моего ли?

– Я думал, ты там смылилась, – кривит губы муж. Нет в его тоне мурлыканья. И нежности нет. Недовольство. Я же его заставила ждать, а он этого не любит. – Иди ко мне. Скорее. Я скоро лопну от желания. Маша, я не настроен на игры.

Он хочет не меня. Он хочет выплеснуть возбуждение свое в меня, как в резиновую куклу. Господи, мерзко-то как. Тошнота становится нестерпимой. Тело бьет крупная дрожь.

– Кость, мне плохо, – хриплю я. Не вру ни грамма. Меня колотит так, что зубы стучат. – Давай не сегодня. Голова сейчас лопнет. Температура. Наверное.

– Черт, Машка. Кайфоломщица. Где ты только умудряешься хватать всякую гадость? Дома сидишь ведь. Сто раз говорил. Нечего шляться по этим твоим салонам. Только деньги на ветер, – злится. Он злится. Руку сует свою под одеяло. Главное не упасть. Тошнит, когда я вижу, что он делает. – Иди. Спишь сегодня в детской. Черт, я уже завелся. Маш, так нельзя. Для здоровья вредно не выплеснуть возбуждение, – сипит мой муж, почти стонет. Мне мерзко. Омерзительно, хотя я видела, как он себя удовлетворяет сам не раз. Но сегодня… Как завороженная. Не могу взгляд отвести и загибаюсь от омерзения.

– В детской? – шепчу я. Слава богу. Обычно его не смущает, что я больна. Дышу через раз. Возбуждение волной проносится по моему телу. Но оно какое-то другое. Это не желание близости. Наоборот. Что-то совершенно другое.

– Да. Не хватало еще, чтобы ты меня заразила. У меня важные перемены в карьере грядут. Дел невпроворот. Черт, да уйди ты. Мне неудобно.

А еще у него любовница. И он не может не поехать к ней, чтобы подарок отвезти обещанный. И настолько ему это важно, что он совсем не думает о сыне, который может заболеть. Я иду к выходу из спальни, слушая пыхтение мужа. Что я сейчас чувствую? Зарождающуюся ярость и тонкую боль. Что я сейчас хочу? Черт… Отомстить я хочу. До слепоты хочу.

– Машка, – уже у двери окликает меня муж. – Прости. Я тебя люблю. Просто навалилось…

– Я понимаю, – выдыхаю, даже не обернувшись. – Спокойной ночи.

Я не признаюсь ему в любви в ответ. Он врет, а я… Я все еще никак не привыкну к мысли, что он не мой. Не только мой.

Сплю я на диване в гостиной. Думала, не смогу, но сразу проваливаюсь в липкий полубред. Утро вваливается в окна, словно захватчик, просовывает свои руки-лучи в щель между гардинами, впивается ими мне в веки. Я не открываю глаза сразу. Слушаю звенящую тишину.

С трудом поднимаю голову. Она трещит, словно с похмелья. Горького такого. Прозрение, оказывается, ужасно. На часах девять тридцать. Не стал меня Костик будить. Побоялся заразиться, гад. В кухне чистота, значит, даже не завтракал. Интересно, а где он будет есть? Кто его накормит. Общепитом он брезгует. Значит…

Интересно. Мне интересно. Правда. Очень хочется посмотреть на ту, кто оказалась лучше меня.

Кофе мой любимый сегодня безвкусный. Я смотрю в окно, за которым веселые воробьи суетливо скачут по веткам, радуясь весне, глотаю огненный напиток и понимаю, что все меняется. В моей жизни все переворачивается с ног на голову.

Хватаюсь за телефон. Держу его в руке несколько секунд. Отбрасываю, передумав звонить. Иду в гардеробную.

Я теперь новая. Не идеальная. Мне так надоело постоянно себя контролировать. Я хочу…

Так. Что надеть? Что? У меня даже нет джинсов, вот это открытие. Нет. У всех есть, а у меня вот брючки классические висят. Пуговки на них золотые с тисненым солнцем. И эта юбка. Страшно красивая, но неудобная до одури. Костя любит, когда я в ней. Ему нравятся мои ноги в этой чертовой тряпке. Сдираю с вешалки дорогущую шмотку. Бросаю на пол.

Блузка белая, свободные кюлоты…

Я живу в каком-то параллельном мире.

Кроссовки у меня те, в которых я три раза в неделю хожу в спортзал, чтобы поддерживать себя. Чтобы соответствовать. Чтобы мной муж гордился.

Ходила. Больше не стану себя изнурять и ломать. Я хочу торт огромный и капучино. Я обожаю капучино. Но в нем ужасно много жира. Плевать.

Я еду к сестре. К сестре, которую не видела два года. Наверное, это неправильно вот так. Получается, что она нужна мне только когда мне плохо. Эгоизм? Нет, я соскучилась. И по маме соскучилась. И Мишутку я заберу у свекров. Я столько не додала сыну только потому, что была слишком правильной.

Ненавижу этот перекресток. Но тут, я знаю, есть шикарная кондитерская, в которой продают Сашкины любимые эклеры. Парковаться здесь абсолютно невозможно, но… Не приду же я к сестре с пустыми руками. И Мишутке возьму его любимые корзиночки. А себе птичье молоко. А потом…

Машину Кости я вижу издалека. Узнаю сразу. Шикарный джип, которым он страшно гордится, не спутаешь с другим. Потому что на боковое стекло прилеплен Халк на присосках. Мишутка до истерики настаивал на этом дурацком аксессуаре. Завтракает муж, судя по всему, в сияющей стеклами кофейне, потому что паркоместо принадлежит заведению. Встречаться с мужем мне не хочется. Он будет ругаться, что я больная вышла из дома, что оделась как чернавка. Раньше бы я приняла это за заботу. А сейчас…

Сейчас какая-то сила буквально гонит меня к чертовой кофейне. Словно за веревку, затянутую на шее, тащит. И я бегу от своей машины короткими перебежками, оглядываясь, как шпионка-воришка. И выгляжу, наверняка, полной идиоткой.

Глава 3

Мария

Костю я вижу сразу. Он сидит за столиком в центре зала, как всегда холёный и собранный. И смотрит на женщину, сидящую напротив, так… Как на меня не смотрел, наверное, никогда. Как бы я ни старалась быть для него идеальной. И я могу не бояться, что он заметит меня, распластавшуюся по витражному окну кафе, словно муха. Он так увлечён своей дамой, что, упади сейчас метеорит, он не заметит.

А она красивая. Но… не идеальная, вот в чём шутка. Волосы собраны в дурацкую гульку на макушке – растрёпанную и неаккуратную. Помада ей совершенно не идёт. Алая, вульгарная, намазанная на искусственно надутые губки. И одета любовница мужа в то, что мне всегда было запрещено надевать, чтобы не вызвать гнев и насмешки. Джинсовая курточка, футболка с утёнком на, явно не натуральной, груди. И я готова голову дать на отсечение, что обута Мессалина не в туфли на шпильке.

А тряпки на ней дорогие. И сумочка, болтающаяся на спинке стула. Я такую хотела, но Костик сказал, что она слишком фривольна.

Господи, как же противно. Омерзительно. И я, скорее всего, похожа на плачущую Годзиллу, потому что стою, скрючившись у окна кафе. Слёзы обжигают щёки. А я-то думала, что я сильная и не умею плакать.

Я отрываюсь от стекла, потому что ещё немного – и правда прилипну к нему навсегда, как экспонат: «Женщина, которая слишком поздно всё поняла». Руки дрожат. В сумке звенят ключи – слишком громко. Оглушительно.

– Мадам, вы мажете слезами стекло, потому что умираете от голода, но забыли дома большой кошелёк? – насмешливый голос взрывается громом над моей головой. – Или вам нужна помощь?

Поднимаю голову, потому что иначе мне не удаётся рассмотреть великана, ставшего свидетелем моей слабости. Господи, какой позор. Он что, подумал, что я нищенка или маньячка, подглядывающая за парочками?

Первое, что я вижу, – глаза синие-синие, прищуренные, в которых скачут яркие смешливые черти. И смотрит на меня этот громадный мужик как на букашку. Я, со своим ростом дюймовочным, макушкой едва достаю ему до середины плеча.

– Вас это совершенно не касается, – слишком нервно выдыхаю я. Он привлекает внимание окружающих. А мне совсем не нужно, чтобы мой муж подумывал, что я за ним шпионю. Это же вообще ужасно будет. Просто катастрофа.

Идеальные женщины не выслеживают благоверных. Не ревнуют и не плачут на глазах этих противных громадных чужих мужиков. Они несут себя с достоинством, мудрые, могут закрыть глаза на мелкие шалости. Только вот как же чертовски бесит, что я идеальная, но мой муж предпочёл мне свободную. Похоже. Не дотягиваю я до эталона. А вот интересно, из неё Костя тоже будет лепить свой идеал?

– Жаль. А я хотел накормить вас. Такие прекрасные глаза не должны быть на мокром месте. – он снова щурится, но теперь совсем иначе. Как кот, который выслеживает глупую мышь. И мне совсем не интересны его подкаты. Я не в том состоянии. Точнее, я вообще в состоянии нестояния. – А что, мадам, может врубим по кофию с круассаном, и ты мне расскажешь, кто тебя так обидел.

– Мы на «ты» не переходили, – сиплю я, глядя, как Костик поднимается из-за стола. Как заботливо помогает своей даме отодвинуть стул. Накидывает ей на плечи чёртов палантин, расписанный разноцветными лошадями. Уже не больно даже. Просто я будто выжата досуха. Костя идёт к выходу, поддерживая губастую. Чёрт, я ведь уже не успею сбежать, спрятаться.

– Он что ли? – интересуется нахал, проследив мой взгляд. – Вот из-за этого? Муж?

Киваю, шаря глазами в поисках какой-нибудь щели в стене, в которую можно забиться.

– Дурак у тебя муж, – хмыкает мужик. Вот именно сейчас замечаю, что одет он совсем не как прощелыга. И ботинки его сияют в тусклом утреннем солнце слишком ярко. А в лапище, похожей на ковш экскаватора, брелок от дорогой тачки. Дороже той, что у моего мужа. Нашла о чём думать. Мой муж вот спустя две минуты выйдет из этой грёбаной двери. С любовницей выйдет. И я буду выглядеть… Как я буду выглядеть?

– Пожалуйста, просто… – лепечу я.

И этот нахальный великан вдруг сминает меня в объятиях, вжимает в стену. И…

Боже. Меня целует чужой мужик. Чужой. Незнакомый. Это же немыслимо. Мерзко. Это так…

Все пирожные, наверное, уже потекли в машине. Солнце-то уже слишком горячее. О чём я думаю? О чём?

– Всё, ушли, – чёртов мерзавец разжимает свои объятия так резко, что я едва удерживаюсь на ногах. Хорошо, я не на каблуках. А то бы уже рухнула на ступени. Воздух ртом хватаю, как рыба, выброшенная на берег. А у него все губы в моём блеске. И улыбается громадный нахал, как кот. – Не благодари.

– Да как вы… Да что вы… – я задыхаюсь. Надо выровнять дыхание. – Гад и беспардонный…

– Вообще-то я тебя спас, – снова щурится синеглазый скот. У меня губы до сих пор горят. И я чувствую вкус лосьона для бритья и чужого мужчины. – По кофе с круассанами предложение в силе.

– Да пошёл ты, – сиплю я.

– Мы же на «ты» не переходили, – его хохот похож на гром в горах. Я срываюсь с места, как спринтер. Боже. Какой позор. Стыд. Я замужняя женщина, а он… А в чём, собственно, проблема? Мой муж мне изменяет. Я тоже вольна… Чёрт, не получается себя успокоить. – Где я смогу тебя найти, рева? – бьёт в спину смех нахального великана, придавая ускорения.

Глава 4

Константин

Жена – для удобства, любовница для любви.

Машка – железная леди. Я сам вылепил из нее то, что мне нужно и удобно. Она – витрина. У успешного человека жена должна быть витриной.

Вика – другое дело. В ней есть все, чего мне не хватает в Марии. Все, чего я желаю, жажду, вожделею. Она дает мне то, чего я даже не могу пожелать от жены.

– А ты меня вот так на улице не целуешь, – хмыкает Викуся, глядя на парочку, бесстыдно обжимающуюся прямо у входа в кафе. – Почему, котик?

– Куда охрана смотрит? – морщусь я, глядя на амбала, вжавшего в стену невидимую мне женщину. Скорее всего бабу не высоких моральных качеств. Взгляд цепляется за тонкую женскую руку, обнимающую наглеца. Мелькает какое-то чувство, непонятное, и я его отпускаю, не уловив.

– Пойдем, милый. Ты рассматриваешь их уж слишком откровенно, – хихикает Вика. А меня распирает от возбуждения. Вид целующейся парочки будит во мне какую-то странную животную, яростную похоть. Что со мной? Ощущение, что я упускаю что-то важное. Но что?

До машины бегу, таща за руку Викторию. Она злится, я это слышу по недовольному сопению. Сегодня она снова завела свою шарманку. Дура, мать ее.

– Едем к тебе, – хриплю я.

– Ты же так спешил на работу, – морщится моя любовница. Красота у нее слишком показная, слишком резкая. Именно это я в ней обожаю. И эти губы…

– Хочу тебя. Сейчас, – не вру ни на грамм. До ее дома не дотяну. В машине. В подворотне.

– Ты странный, – облизывается, словно кошка. Викуся. Рот этот ее.

– Рот твой хочу. Сейчас. Быстро в машину.

– А тебя не останавливает, что это ваш семейный автомобиль? И твоя жена потом будет сидеть там, где ты предавался разврату со мной? И эта игрушка на стекле…

Черт. Вика бьет прицельно. Но… Если честно, сейчас мне абсолютно плевать. Машка меня вчера продинамила. Я сейчас просто взорвусь от распирающего возбуждения, похожего на термоядерную реакцию.

– Ничего не выйдет, Костя. Мне надоело быть сливной ямой. Или ты говоришь с женой, или…

– Детка, Вика, ну я же тебе все сто раз объяснил, – черт, я мету хвостом. Заискиваю перед этой нахальной шлюшкой, от которой у меня напрочь сносит крышу. Она как срамная болезнь. И постыдно, и вылечить невозможно. Она сводит с ума, помогает мне осознать мое мужское начало. Она огонь. И сейчас мне бы послать ее на хер, но желание раздувается настолько, что заполняет весь салон машины, как зомбовирус. Смешивается с терпкими женскими феромонами. – Потерпи чуть-чуть.

– Может и ты тогда потерпишь? – ее шепот дразнит все рецепторы. Игривый шепот. Хочу ее. Она держит меня наманикюренной ручкой совсем не за душу.

– Вика-а-а… – стону я, когда она бесстыдно склоняется лицом к моей ширинке. А мы ведь даже не отъехали с парковки. – Боже, что ты творишь со мной?

Мир взрывается огненными искрами. Черт, не сдохнуть бы. Тогда Машка точно узнает все. В горле булькает сдерживаемый истерический смех. Как отходняк от оглушительного кайфа.

– Твоя жена так умеет? – Вика улыбается, вытирает губы тыльной стороной ладони.

– Не умеет, – и ведь я вру лишь немного. Машка умеет все, но я не получаю и сотой доли того кайфа, как с Викой. Но бросать жену я не собираюсь. Это будет слишком расточительно

с моей стороны. Только вот Вике знать об этом совсем не обязательно. – Ты просто космос. Куда ты сейчас? Куда тебя отвезти?

– Ты настоящий шикарный самец, – хмыкает Виктория. Что это? Издевка? Ничего не могу прочитать в ее сузившихся, как у кошки, глазах.

– Это комплимент или так ты меня ставишь на место?

– Это констатация, – снова ухмыляется моя красавица. – Я хотела прошвырнуться по магазинам. Ты же дашь денежек своей козочке, милый? Или снова все ушло на лечение твоей больной неумехи жены?

– Вика, прекращай. Это не смешно. У Маши рак. Это не повод для шуток, – черт, а вот врать так мерзко и противно. Но…

– Я так и не услышала ответа, котик, – капризно дует губки моя любовница. Она моя любовь. Она мой грех. Она моя. – Кстати, ты ведь квартиру еще мне обещал оплатить. Не морщись, появится плохой залом на переносице. Это же ненадолго, правда? Скоро мы переедем в твой дом? И Мишутку я усыновлю, когда твоя клуша…

– Сколько денег тебе надо? – перебиваю я Вику. Виски ломит так, что перед глазами летят прозрачные кляксы.

– Костик, дело не в деньгах совсем. Я так тебя люблю, – ее грудной шепот щекочет каждый нерв. – И не хочу тебя ни с кем делить. Только мой. И я верю тебе. Верь очень сильно. Слышишь?

Черт, да не слышу я ни хрена. Выруливаю с парковки. Ослабляю идеальный узел галстука, завязанного женой. Придется снова просить денег у…

– Ой, вон там меня высади. Там продают шикарное белье, а на минус первом этаже магазин для взрослых. Сегодня вечером тебя ждет…

– Я не приеду сегодня, Вика. Я обещал сегодня забрать сына у родителей.

– Понятно, – разочарованно тянет Виктория.

– Что тебе понятно? – слишком нервно выдыхаю я. Этот чертов галстук просто удавка висельника.

– Тут останови, – она клюет меня в щеку. И ее губы сейчас не мягкие и похотливые, а ледяные, словно резиновые. – Позвонишь, когда снова решишь спустить пар.

– Вик, я… – черт, не могу сказать то, что она от меня ждет. – Ты мне очень дорога. Нужна. Просто потерпи.

– Я подумаю, котик, – улыбается Вика. – Подумаю, как нам правильно жить дальше.

Глава 5

Мария

– Впустишь? – всхлипнула я. Судя по интересу в глазах сестры, выгляжу я бомбически. Тушь поплыла, я вся грязная, потому что меня, для полного счастья, окатил грязью из лужи какой-то лихач, когда я убегала от поцелуйного монстра. В руке – измятая коробка с пирожными, пострадавшая при моём падении с бордюра. Коленка содрана. Кюлоты безнадёжно испорчены. И в душе у меня… Такое болото у меня в душе, что хочется рыдать в голос.

– Кто вы и куда дели мою идеальную сестру? – ухмыляется Сашка. Она меня младше на три года, но, наверное, мудрее. И руки у неё вымазаны краской, а на носу мазок грунта для полотна. Работала, а я отвлекла.

– Ты не одна? – выдыхаю я. Из недр квартиры несётся звук, словно кто-то уронил стакан. – Прости, нужно было позвонить, прежде чем приходить. Я в следующий раз…

– А, нет, это ты. Я-то думала, ты как Электроник – из робота в человека. А ты терминатором, как была, так и осталась. Просто в раскалённой лаве тебя прополоскали немного, – хихикает сестра, отстраняясь для того, чтобы впустить меня в свои пенаты, пахнущие краской, как цех лакокрасочного завода. – Проходи уже. Терпеть не могу твои китайские церемонии.

Два года мы с ней не общались. Целых два года, как мы прекратили общение. А она ведёт себя так, словно их и не было. И мне становится стыдно. Я ведь поругалась с ней из-за Кости. Наговорила всякого. Глупая я, хоть и старшая сестра.

– Да заходи уже. Не мужик у меня. Жабёшка причапала, чаи гоняем с козинаками, – подгоняет меня Сашуля.

Надо бежать. Уносить ноги, не оглядываясь, как от демонов. Потому что Жабёшка в разы ужаснее тех самых козлорогих чертей. Но Сашка подталкивает меня в спину, и я буквально вваливаюсь в её квартиру.

– Я завтра зайду, – лепечу я, при этом сдирая с ног ужасные кроссовки. Им сто лет в обед, но других-то нет у меня. Потому что я никогда не выходила на улицу в спортивных онучах. Никогда. Моветон же. «А ведь в кроссовках удобнее» – накрывает меня запоздалая мысль.

– Ага, завтра. Дождёшься тебя, – Сашулька кидает мне тапочки под ноги. Обычные домашние смешные пантофли, и я понимаю, что сбежать не удастся. – А потом. У тебя такой взгляд, систер – обнять и плакать называется. И тут у меня только два варианта: или твой мудозвон муженёк накосячил, или… Неужели ты перестала быть идеальной? Тогда это надо обмыть.

– И совсем не чаем, – голос Жабёшки звучит предтечей армагеддона. Вообще-то её зовут Жанна Бальтазаровна Ким. Но для нас она всегда Жабёшка – за глаза навыкате, упрямо выкрашенные в зелёный, большущий рот и щербинку между крупными зубами. – Санёк, доставай свою наливку, будем по-женски обсуждать козлов мужиков, плакать под Буланову и, может, даже стирать колготки. Ну, иди обниму, Машка. Сто лет же не виделись. Я соскучилась.

Они соскучились. А я дура. Я так много потеряла. Слёзы сами брызжут из глаз.

– Понятно. Настойка в топку, Жабыч, тащи просекко, – хмыкает Сашка, обнимает меня за плечи, прижимает к себе.

– Только не говори, что ты меня предупреждала, – всхлипываю я в пахнущую ацетоном футболку сестры.

– И не собиралась даже. Какой смысл, если ты и так всё поняла?

Шампанское ледяное, аж зубы сводит. Сладкое, просто приторное. Это точно не просекко, да и плевать. Терпеть не могу алкоголь. Завтра у меня будет разламываться голова, и все мои укосметологические подвиги пойдут насмарку. Но это будет завтра. А сегодня…

– Да, видать, нашу Машу здорово шандарахнуло. Залпом сглотнула, – хмыкает где-то в пространстве Жабёшка. Невесело она хмыкает. Я даже слышу угрозу в этом её тоне. – Тут нужна тяжёлая артиллерия. Шипучкой вряд ли залечим душевные раны. Пора по барам.

– Как это ни противно, но Жаба права, – вздыхает Сашка. – Чувствую, разговор будет трудный. Маш, всё очень плохо? По десятибалльной шкале?

– Десять, – икаю я. Чёртовы пузырьки.

– Погано. Всё-таки сука Костя? Бабу нашёл на стороне?

Я снова киваю молча. Как болванчик китайский. Говорить не могу. Горло стянуло от горечи и слишком холодного шампанского. Хотя… Ни при чём тут чёртово газированное вино. Заледенело всё внутри совсем не от него.

– Даже переодеваться не буду. Сумочку возьму только, – морщится сестра. – Жабыч, вызывай таксомотор.

– Нет. Не могу, – сиплю я сдавленно. Мышечная память пытается вернуть меня в состояние идеала. – Мишутка сегодня дома. Костя привезёт. Мы собирались…

– Мишутке двенадцать, – хмыкает Сашка. – И он совсем не Мишутка уже, Маша. Он Мишутище. Пора уже привыкнуть, сестрёнка, что ты тоже человек. В конце концов, отвезём его к маме нашей. Она обрадуется.

– Это вряд ли, – хихикаю я. Шампанское весёлыми пузырьками ударяет в мозг. – Зная мамулю, она так быстро не простит мне два года игнора. Саш, что? – странный взгляд у моей сестрицы. Даже я бы сказала, удивлённый, что ли.

– Чего ещё?

– Мишутка твой у мамы нашей прописан. Постоянно у неё отирается. Я думала, ты в курсе, – бьёт меня под дых Сашка. – Мама условие поставила ещё полгода назад. Она вам деньги на отдых, а вы ей общение с внуком. Маш… Маш, ты чего?

– Отдых? Ты что? Какой отдых? – глупо улыбаюсь я. Да ну. Это какая-то шутка, наверное. Мы с Костей отдыхать ездили два года назад в Турцию. И с мамой я с тех пор не виделась. И Мишутка… Он бы мне точно рассказал, что к бабушке ходит в гости. Мой сын всегда со мной честен. Был…?

– В смысле? Костя твой сказал, что тебе врач прописал морюшко. Таскался к ней с проспектами рекламными. Она вам две путёвки оплатила на Мальдивы, – супится Сашка. – Две недели рая. Я ещё с ней поругалась тогда немного. Точнее…

Мне сейчас кажется, что меня ударили под дых, а когда я на землю грохнулась в пыль, ещё и попинали. Полгода назад Костя ездил в командировку на две недели. И я его ждала, так ждала и скучала. Господи… И Мишутка…

– Хватай её и тащи на выход, – бубнит где-то Жабка. – А то ещё коньками щёлкнет от таких шикарных новостей.

– Ну как же так? – хриплю я, жадно глотая остатки шипучки из бокала. Зубы стучат по хрустальному ободку. Словно выбивая сигнал СОС. – А Миша? Что я не так сделала? Я же всю жизнь для них… Я вот такая ради них.

Больно. Ужасно больно. Мой сын мне врал. Мой муж изменяет. За что? Что я сделала не так?

Глава 6

Мария

– Мишутка просто ребенок, – всхлипываю я, вытирая рукавом нос. Сама-то я верю в эту мантру?

Музыка в баре слишком громкая. Пульсирует во мне, как нарыв, который того и гляди лопнет. Я пытаюсь себя убедить в том, что мой маленький мальчик не предатель, а просто глупый ребенок. Ребенок, ради которого я пожертвовала карьерой, собой. Которому себя всю отдала. А он… И за что? Он меня продал за новый игровой компьютер, брендовые шмотки и другие, как он говорит, ништяки, которыми в последнее время завалил его любящий отец. Господи, я-то дура радовалась. Вот какой у меня муж. Замечательный, внимательный. А отец какой. Прекрасный отец. Ах, как мне повезло.

– Жеребенок, – булькает коктейлем Сашка. Цвет у пойла мерзкий, как незамерзайка. И у меня в голове шумит противно. Я же ведь идеальная, алкоголь не пью почти. По барам не шляюсь. – Продал мать за тридцать серебряников. Машка, ты просто очень правильная, понимаешь? Душнила ты. Наверняка парню мозг выносила. А Костик твой клевый. Ну, так Михон считает. Папа клевый, мама зануда. Себя-то вспомни в его годы.

В его годы. В его годы мы дрались с Сашкой за внимание матери, которая всегда была слишком увлечена сначала собой, а после смерти папы – поддержанием на плаву его бизнеса, доставшегося ей по наследству. И ничего нам не падало с неба, потому что мама считала, что в жизни мы должны всего добиваться сами. Добились, блин.

Я глупо хихикаю. Мою богатющую умную маму обвел вокруг пальца Костик. Которого она всегда считала тюфяком и полудурком. Поэтому в свой концерн его на работу не взяла.

– Вспомнила, как я тебе пеналом по башке треснула? – хмыкает Сашуля. – Я вот думаю, тогда что ли у тебя мозг набекрень кувыркнулся? Или это врожденное?

– Дура, – бубню я. А коктейль ничего так, вкусненький.

– Хватит вам. Мы сюда чего пришли? Предаваться воспоминаниям? Ха три раза, – злодейски хохочет Жабешка, подняв свою невероятную физиономию к потолку, на котором крутится диско-шар. А у меня кружится голова, и чертовски хочется дурацкого шампанского.

– А зачем мы сюда пришли? – я хихикаю снова. Сашка-то права. Видать, удар пеналом был фатальным, если я веду себя как дурочка из переулочка сейчас. А до этого была дурой козлячьей женой долгих восемнадцать лет. Еще и слепой к тому же.

– Я бы на твоем месте отомстила, – орет Жабыч так, что глушит даже музыку. – Вон там смотри, какие сидят самцы. Жеребцы племенные. Мне вон тот нравится, что справа. Иди и трахни его.

– Чего? – я аж трезвею. Что она мне предлагает? Мне? Я же не такая. Я замужем. У меня семья. Меня… Все предаааали. Слезы брызжут из глаз. И хочется рыдать и танцевать одновременно. Боль ищет выхода вот таким странным образом.

– Говорят, у таких громадных кобелей фитилек маленький, – смеется Сашка. – Жабыч, вечно ты со своими закидонами. У Машки вон сейчас физиономия треснет. Машуля, а у идеальных тетенек разве бывает такой взгляд?

– Говорят, где-то и кур доят, – Жабёшкина мудрость.

Я молча сползаю с барного табурета. Все вокруг качается, как палуба корабля. Сияющая огнями палуба идущего ко дну Титаника. И я качаюсь в такт. Ковыляю, пританцовывая, на пустой пятачок в центре зала. Сто лет я не танцевала.

А ведь я даже не посмотрела на мужиков, которых приметила наша чокнутая подружка. Было неинтересно. А теперь…

А у Костика фитилек какой? Черт, мне и сравнить-то не с чем. Дожила почти до сорокета…

“Натерпелась, наждалась, я любовью обожглась”

Слова песни впиваются в тело огненными осколками. Отдаюсь танцу. Больше похожему на припадок пляски святого Вита. Выгляжу сейчас, наверное, отпадно. Одна вихляюсь под взглядами десятков глаз пьющих людей. Так свободно я себя не чувствовала… да никогда, наверное…

– Куколка, пойдем, угощу, – кто-то хватает меня за руку, и только тогда я прихожу в себя. Стыд накатывает душными волнами.

– Отпусти, – хриплю я, глядя на какого-то нетрезвого типа, у которого прическа на голове клонится как крышка на чайнике. Три волосины, зачесанные на блестящую лысину, в которой отражаются блики от диско-шара. Смешно. Я с трудом сдерживаю истеричный смех.

– Детка. Ты же не просто так тут кривлялась. Ищешь мужика? Приключений? Я могу тебе всё дать, – скалится нахал. Руку не выпускает мою.

– Грабли убери от меня, – шиплю я. Где эти две ведьмы? За столиком их нет. У меня начинается паника. Сумки на месте, а ни Сашки, ни Жабы нет. Горло сжимается от ужаса. Я с силой опускаю пятку на ногу чертова упыря. Блин, как бы сейчас мне пригодились вечные шпильки мои.

– Ах ты, сука, – ревет мой куртуазный кавалер. Я вижу, как взлетает его рука, сжимаюсь, закрываю глаза. Жду удара. Опустилась. До чего докатилась. Боже…

Удара нет. Только рык слышу, как мне кажется. Оглушительный. И грохот слышу. Приоткрываю один глаз. Гадский мужик валяется на полу, растеряв весь свой задор. Что это он? Жабёшка, конечно, могла его вырубить, но так, чтобы крышка на лысине дыбом встала, вряд ли. И из губы у идиота стекает струйка крови. И я смотрю на нее как завороженная.

– А, это ты опять? – слышу я насмешливый голос. Очень знакомый. Совсем недавно мной слышанный. – Слушай, у тебя к жопе что-то прилипло?

– Что? – глупо икаю я.

– Мешок приключений, блин. Смотрю, ты прям в отрыв ушла. А мужики на тебя какие клюют. Как на подбор просто.

– Не могу не согласиться, – хмыкаю я. Человек-гора нависает надо мной. И у меня начинают губы гореть, черт…

– А ну, отойди от нее. Быстро, пока я не разозлилась, – Жаба. Господи. Как всегда вовремя и по-идиотски. – Ни на минуту тебя, Машка, нельзя оставить. В туалет сходить не успели, ты тут учинила опять кутерьму.

– Маша, значит, – хмыкает великан. – А я Медведь. Приятно познакомиться.

Он вдруг перехватывает меня поперек туловища, кажется, одними пальцами, перекидывает через плечо и тащит к выходу.

– Спасите, – сиплю я.

– Офигеть. Машка… Эй, мужик, – голос Сашки звенит. – Ты ничего не попутал. Я полицию вызову. Ты куда ее понес? Ты…

Глава 7

Ад Медведев

Бар дешевый. Мой новый подчиненный – склизкий лизоблюд с замашками Наполеона и повадками короля жизни. И я почти не слушаю, как разливается соловьем этот хмырь, заливая мне про то, о чем он понятия не имеет. Нахватался, как гусь говна, умных слов и теперь раздувает щеки.

Терпеть не могу эти пустые мероприятия, поддатых начальников филиалов моего концерна, которые все поголовно считают, что, выпив со мной, запишутся в мои лепшие друзья. Идиоты, мля.

– Боря, завали, а? – морщусь. В голове поселились веселые медведи с кувалдами, которые отбивают ритм ужасной песни, орущей из динамиков. – Я отдыхать пришел. Все эти свои тезисы запиши и распечатай. Моя помощница пусть наслаждается этим ужасным бредом про фьючерсы. Кстати, Борис Аркадьевич, ты хоть знаешь, что это за звери такие? – хмыкаю, глядя не на моего собеседника, а на странную бабу, которая, поукачиваясь, идет между столиками. Бедрами водит так, что медведи в моей голове сменяют молотки на зубастые пилы. Вы хоть раз слышали музыку, исполненную на пиле?

– Понял, замолкаю. О работе больше ни слова, – хмыкает Борис, делает знак “текила-герл”, которая тут же наполняет мой шот очередной порцией огненной воды. Господи, какой колхоз. Меня решили сразить полуголой потасканной девкой, у которой сиськи вымазаны солью. А я брезглив. Хотя сегодня я сам не свой. – Адам Демидович, завтра мы ждем вас с женой на шашлыки. У нас прекрасный дом за городом. А жена у меня кудесница. Такое мясо делает – закачаешься. Там заодно и познакомитесь с работником, которого я рекомендую в начальники финансового отдела. Константин – грамотный работник, семьянин…

Боже, боже, боже. Заткнется он или нет? Хотя я его почти не слышу. Танцует баба неуклюже. Головой трясет, как пони. Что-то ужасно знакомое я вижу в этом тонком, почти прозрачном женском теле. Глупость. Я тут никого не знаю, кроме идиотки, которую взасос целовал сегодня утром на улице. Кстати, тогда я не вспоминал о брезгливости.

– Так вы будете к обеду завтра? Я машину пришлю за вами к часу. И помощницу свою возьмите. Мы все парами будем. Узкий круг. Я с женой, да Костя с супругой. Ничего особенного. Формат без галстуков.

Я только киваю, не в силах отвести взгляд от вихляющейся бабенки в смешных коротких, слишком широких штанах. Прическа у нее идеальная – волосок к волоску. Как ее сюда-то занесло? Явно же не контингент этого убогого заведения.

Лица не видно. Она танцует спиной к нам. Ведет плечами, и мне кажется, я чувствую терпкий аромат женщины и феромонов. Сука, надо было снять бабу и завалиться с ней в койку, а не шастать по барам со склизким, как угорь, Борюсиком.

– Ну тогда до завтра. Мне пора. Вас, может, подкинуть до отеля. Вы же не за рулем.

– Прогуляюсь, – хриплю я, даже не глянув на подчиненного. Надо записать себе – уволить за несоответствие и подхалимаж.

– Адам Демидович, неспокойно на улицах, может все же…

Я хмыкаю. Кто рискнет? Разве дурак какой. Боря понимает все без слов. Как-то странно смотрит на танцорку, трясет башкой, бурчит что-то типа “Не может быть. Глюки уже” и наконец сваливает. Он еще и алкаш, надо запомнить.

Я остаюсь один. И наконец-то чувствую себя почти нормально. Почти.

Девка выгибается в пояснице. Пучок на ее голове расплетается. Волосы золотым водопадом рассыпаются по плечам. Искры от диско-шара путаются в этом золотом руне, словно бриллиантовые капли.

Черт, у меня в штанах зреет ядерный взрыв. Может, прав мой папуля. Пора мне уже остепениться. Найти себе спутницу жизни, влюбиться. Только вот я не приручаемый, как гризли.

Отодвигаю шот. Мерзость. Долгие годы спортивного режима напрочь отвратили меня от алкоголя. Бориска даже не заметил, что выпил все мои дринки.

Мать твою, как болит голова.

Женщина танцует. Яростно как-то, словно ведьма. Нужно уходить. Нужно… Я иду к выходу. Не поеду я завтра ни на какое мясо ни с кем знакомиться. Отправлю свою секретаршу. Пусть она восхищается домом, хозяйкой, знакомится с протеже Бориса. А мне тут больше делать нечего. Завтра запрыгну в машину и свалю домой из этой гребаной тоски.

– А ну отпусти, – слышу я женский вскрик. Он словно хлыстом впивается в мою спину. Надсадный, сердитый… Черт. Ад, иди не оглядываясь. Это не твое дело. В этой дыре все не твое дело. – Отвали, я сказала. – Ну же, куколка. Я готов тебя осчастливить. Ты же тут раздавала похлеще вайфая. Да ладно тебе, ну не свежак ты… Ах ты, сука…

Черт, ну вот зачем? Я оглядываюсь. Какой-то урод заносит руку над златовлаской. Урод слюнявый. И у меня падает забрало.

Дожил до седых мудей и ввязываюсь в драки в дешевых барах. Папа будет в восторге. Я вообще постоянный повод для гордости у старика.

Женщина не кричит. Сжалась вся, как воробей. Глаза закрыла. Это же… Следит она что ли за мной?

– Ты ведь слышал, что тебе сказали, – рычу я, бездумно взмахивая кулаком. Костяшки саднит, кожу содрал. В машине, вроде, есть перекись. – Дама не желает общаться.

– Эта шлюшка с тобой что ли? Так ты следи за шмарой своей. Она тут авансы всему бомонду нараздавала, – блеет этот плешивый упырь. А я слепну. Нужно отвлечься от жертвы, а то наломаю дров.

Баба молчит. Открыла один глаз. Лихо… Точно. Она Лихо одноглазое. Ходячая проблема в дурацких штанах.

– И что мне с тобой делать? – хмыкаю я. Слава богу, отвлекся от отползающего придурка. А то снова бы пришлось откупаться. Молча подхватываю дурищу, перекидываю через плечо.

– Машка… – какая-то мультяшная баба кидается мне наперерез. Но я тащу трофей с неотвратимостью терминатора. Оставлю бедовую рапунцель тут, у нее будет море проблем. Не могу понять, мне-то с этого что.

– Ну, после нашего сегодняшнего поцелуя взасос, я тебе почти родня, – хмыкаю я. – Кстати, ты Машка, я медведь. Поэтому я просто обязан отвезти тебя…

– В свою берлогу? – пыхтит Златовласка. Да она пьяненькая. Надо же, прямо дар небес. В берлогу…

– Домой тебя отвезу. И терпеть не могу пьяных баб, – вопреки своим похабным мыслям говорю я. Да что со мной творится?

Глава 8

Мария

– Слушайте, вы переходите все границы, и… – я даже палец приподнимаю к потолку шикарной машины, следуя всем своим отточенным годами эталонным привычкам. Даже пытаюсь дернуться, чтобы открыть дверцу, но он меня как раз в это время пристегивает ремнем безопасности. А по ощущениям приковывает цепями.

– Подружки у тебя… – хмыкает этот нахальный шатун. – Похожи на жертв зомбовируса.

Похожи. Он мотор заводит, а Сашка с Жабёшкой стучат ладонями в закрытые автомобильные стекла. И лица у них… Прав он, короче, копия зомбаки из фильмов, которых мы с Сашкой пересмотрели в детстве бессчетное множество. А ведь и классные были фильмы. Классные. Так почему в последние лет десять я смотрела только всякую заумь? “Вот именно сейчас мне надо это знать” – запоздало думаю я. Хихикаю глупо. Жаба так точно мозгоедка. В голове мутится от коктейлей.

– Одна из них моя сестра, – выдыхаю я, глядя равнодушно на бегущих за машиной сестру и подругу. – Куда мы едем?

– Отвезу тебя домой. Пока ты снова чего не учудила, – морщится амбал. Сейчас он совсем не кажется мне дурковатым и веселым. Крутит руль, сжав его так, что я вижу белеющие в полумраке костяшки громадных рук.

– А если я не хочу домой? – господи, что я несу. Что там в этот коктейль подмешивают в этом дурацком баре?

– А чего хочешь? – простой вопрос, на который у меня нет ответа.

– Меня укачивает. Я хочу пить, – стону я. Положение-то аховое. Я еду в машине непонятно с кем. Я с ним сегодня уже целовалась. Дальше-то что? Я же не такая. Я не такая, я жду трамвая. Ля-ля-ля.

– В бардачке фляжка, – совершенно он спокоен. Как удав из мультика. Только не бывает удавов таких громадных и страшных. Точнее не так. Он симпатичный. Лицо, как из камня. Подбородок с ямочкой. Мы с Саней от Тимоти Далтона в свое время… Не важно, в общем. – Господи, как ты дожила вообще до своих лет.

Он наклоняется ко мне, так что я чувствую, как его локоть касается моих коленей. Точно меня укачивает, вестибулярка ни к черту у меня.

– Держи, – сует мне в руку покрытую тисненой кожей фляжку. Я тут же скручиваю золотую пробку. Да, точно золотую. Причем очень высокой пробы. Делаю глоток. И мне кажется, что у меня из орбит сейчас глаза вылезут.

– Это что? – спрашиваю, как только обретаю способность дышать снова.

– Коньяк двухсотлетний, – хмыкает этот коварный тип. У меня в голове расцветают огненные цветы. Яркие такие, пышные. – Эй, ты чего?

– Красилина пятнадцать, ик. Это за городом, ик, – истерично всхлипываю я, прежде чем отрубиться. Ну а чего? Я же вообще не пью. Я против алкоголя во всех его проявлениях. Даже шампанское по великим праздникам. Крепкий коньяк меня просто добил. А учитывая, что ела я только утром сегодня, и у меня во рту не было ничего, кроме языка этого чертова гризли… Я качусь на дно слишком стремительно. Чересчур.

– Класс. Я думал, ты Златовласка.

Я Златовласка. Я позорница. Просыпаюсь от того, что сама слышу свой храп. О черт меня раздери.

– Это было сильно, – ухмыляется медведь. И я понимаю, что машина не движется больше. Смотрю в окно. Темно, хоть глаз коли. Но в нашем поселке это уже привычно. Да, я почти дома. – Слушай, а чего ты не спрашиваешь, кто сидел на твоем стульчике?

– Дурак. Отстегни меня. Нет, я сама, – взвизгиваю, когда огромная ручища дотрагивается до моего бедра.

– На себя посмотри.

Я вываливаюсь из огромного джипа буквально. Не прощаюсь с добрым самаритянином, который меня довез. Он сразу стартует с места, ревя мощным мотором. Аж крошкой гравийной меня окатывает. Ноги еле держат. Иду в сторону темного дома. Почему-то на цыпочках и перебежками. Костя спит уже, сто процентов. Должен спать. У него режим, все по распорядку.

Ключом в замок попадаю с пятого раза. При этом глупо хихикаю. Фитилек, блин. Надо же. Интересно… Не интересно совсем.

Проскальзываю в темное нутро знакомого до мелочей холла. Скидываю дурацкие кроссовки. Надо, кстати, новые купить. Эти не модные. Шпильки я больше ни за что не надену. Теперь в ванную. Тихо-тихо. Мышкой. Упс.

Ваза, стоящая на столике, летит на пол с ужасным грохотом. Любимая Костикова ваза. Единственное, что нам его мамуля подарила за почти двадцать лет брака. Слепну от вспыхивающего под потолком света.

– Мария, – голос Кости кажется мне взрывом. – Где ты шлялась? Господи, что с тобой? Я тебя в таком виде в первый раз вижу. Ты пьяна?

– Я сама себя в таком виде в первый раз вижу, – тяну я, стараясь принять презентабельный вид. Как привыкла. Всегда перед мужем эталон и идеал. Пффыф. Не заржать бы. – Расслабься, дорогой. Мы с девочками немного отдохнули.

– Немного? Ты осознаешь вообще, что завтра у нас важный день? А ты… ТЫ…

– Что я, Котик? – приподнимаю я бровь. Черт, не упасть бы. Опираюсь бедром на валик дивана, стараясь выглядеть самодостаточно и непринужденно.

– Не шуми. Сына разбудишь. Не хватало еще, чтобы он тебя увидел вот такой, – брезгливо морщится Костя. Да уж, не медведь он. Волочит меня как плюшевого зайца, волоком. Через плечо перекинуть кишка тонка.

Я вскрикиваю, когда на меня обрушивается ледяной водопад из душа. И струйки воды, стекающие по лицу, смешиваются с огненными слезами. Мне изменяет муж. Давно изменяет. Да, всегда, наверное, изменял. Прав медведь, я дура.

– Отмокай и спать. Завтра поговорим. И к обеду чтоб была в форме, – Костя бросает мне полотенце. Хлопает дверью так, что с потолка сыплется штукатурка. Зол он. Плевать. Никогда не было плевать, а сейчас нате. Я закрываю глаза и сползаю в ванную. От холода зуб на зуб не попадает. Но я сейчас наконец-то чувствую себя снова живой, что ли. И понимание наконец приходит, что жизнь у меня фуфло как раз вот с этим чертовым грохотом.

Глава 9

Мария

Не хочу просыпаться, открывать глаза, видеть мужа. Вот уж никогда не думала, что такое вообще возможно. Я ведь его все еще люблю. Точнее вот так: “Я ведь его все еще люблю?”.

Голова раскалывается. Словно огненная лава в ней переливается. Во рту сухо и мерзко. Тело все затекло. Диван у нас фуфло, страшно неудобный. А ведь я им гордилась страшно. Дорогой, шикарный. Теперь вижу, насколько уродлив этот рыдван. Точнее, чувствую боками.

– Маша, ты ведь не спишь. Хватит притворяться, – голос мужа сегодня мне кажется петушиным криком. Сверлит мозг, как недовольный червяк – мозгоед. – Время восемь утра. Ты же помнишь, что у нас в это время по распорядку завтрак? Или вчерашний твой загул мозг тебе разжижил? Мне через пятнадцать минут нужно выходить. А я не спал. Твоя чокнутая сестрица телефоны оборвала. Мы, кажется, уже говорили, что общение с ней тебе противопоказано. И в доме ребенок. Он не виноват, что его мать…

Интересно, куда ему выходить? Сегодня выходной. Мы едем на дачу к начальнику, петь дифирамбы толстому Борису Абрамовичу и его губастой котечке или пусечке. Смешно. Жены у борова этого самодовольного меняются, а прозвища остаются. Наверное, чтобы не путаться. Черт, о чем я думаю. Да плевать, зато очень отвлекает от недовольного бубнежа Костика. А ведь, если подумать, он давно такой. Да и, наверное, всегда таким и был. И все меня устраивало же?

– Так и приготовил бы завтрак себе и ребенку, – выпаливаю я, прерывая сплошной поток недовольства чертова изменщика. – Раз ты такой заботливый и ответственный отец, взял бы и сгондобил сыну омлет.

Впервые за все восемнадцать лет совместной жизни я позволяю себе протест. И, судя по физиономии благоверного, он ошарашен и, как любит говорить Сашка, – фраппирован. И совсем он не красавец. Стоит с отвисшей челюстью, и я бы, может, рассмеялась сейчас, но во рту просто сахара, а в душе… В душе у меня буря в пустыне.

– Я? – в голосе мужа такое неподдельное удивление, что я все-таки не выдерживаю и хмыкаю. – Омлет? Маша, ты в порядке? Слушай. Я знаю, что у женщин в определенном возрасте случаются кризисы, и это нормально. Но…

– Костя, просто отстань. Приготовь завтрак себе и Мишке, погладь себе рубашку, кофе мне сделай. Просто побудь мужиком, Кость. Хоть ненадолго вернись в прошлое, – морщусь я. В начале нашей семьи он был внимательным и заботливым. Может, притворялся. Может, я сама виновата в том, что с нами стало. Но… Я не изменяла мужу даже в мыслях, я его боготворила. Черт. – Вон Борюсик твой дорогой всем своим птичкам-рыбкам завтраки в постель носит. А ты… Что ты для меня сделал за последний год хотя бы? Давай попробуем вспомнить, Костя.

– Я опаздываю, вообще-то, – дергает щекой мой муж. Ноздри раздувает. Он, видимо, ошарашен, поэтому не комментирует мой всплеск. А я чувствую себя выжатой, как лимон, до корки.

– Куда, интересно? Сегодня выходной день, – с трудом встаю с дивана. Тело болит так, словно меня всю ночь пинал чертов гризли. Или не пинал. Тьфу ты. Прости господи. Щеки заливает горячая краснота. И в туалет хочется до одури. Отшвириваю ногой дурацкие леопардовые тапки на каблуке, отороченные страусиными перьями. Боже. Какая пошлость. Где были мои глаза, когда я покупала этот ужас.

Костя сопит так громко, что у меня в голове начинаются салюты. Господи, я определенно сошла с ума. Он мой муж. Кризис в семье – это предел нормы. Все можно пережить. Говорят, мудрые женщины закрывают глаза на мелкие шалости, чтобы сохранить семью. Сука, я, видно,

совсем не мудрая. Я не могу. Мне мерзко и противно. Он трахал эту свою губастую, а потом шел ко мне. Черт, меня сейчас вырвет.

– Ты же не забыла, что сегодня у нас мероприятие? Нельзя же прийти к Борису с пустыми руками. Я хотел коньяк купить съездить. Да и тебе бы стоило привести себя в порядок. Сегодня важный день. Борис будет меня представлять новому боссу. Он меня на повышение рекомендует. Так что будь добра соответствовать.

Соответствовать? Кому? Чему? Голова трещит, как арбуз. Устала. Я устала. Я…

– Хочу кофе, яичницу и супа. Прямо сейчас. Кость, я в душ. Пожалуйста, сделай мне то, что я прошу. А я буду как огурчик, поеду к жирному Боре, буду помогать тебе подмазываться к новому боссу. Кстати, коньяк бери двухсотлетний. Гадость редкая. Но статусно.

Обхожу застывшего Костю. Он зубами, что ли, скрипит. Или это мозг у меня с таким скрежетом пробуксовывает?

– Да что с тобой? – уже возле двери настигает меня раздраженный вопрос. – Маш, ты на себя не похожа. Как будто подменыш из фильма ужасов. И почему ты в этой ужасной футболке?

– Потому что мне удобно. Понимаешь ты? Мне удобно в этой вонючей футболке, мне нравится ходить босиком, мне хочется от тебя внимания, а не этого твоего вечного “Что у нас сегодня на ужин, дорогая?” Я хочу завтрак, мать твою, – хрипло каркаю я. – И в туалет хочу.

– Вернусь и обсудим твою истерику. Успокоишься как раз к тому времени, – он уходит. Плевать он хотел на все мои истерики. И на меняю Он едет к ней, я точно знаю. И завтрака я не дождусь. И Мишку кормить снова буду я. А Костя… Костя будет наслаждаться чужой женщиной, ее едой, телом и лаской.

А потом предет домой, и заставит меня соответствовать. Слово какое мерзкое.

И ничего не изменится, если только…

Эта мысль такая ужасающая в своей простоте. Такая ясная. Вот только…

Я хватаю сумочку, валяющуюся на полу. С трудом нахожу в ней телефон, почти разряженный. Набираю номер сестры.

– Саш… Да не блажи. Все в порядке. Дома. И спала дома. Мне нужна помощь. Завтра, ага. Сегодня у нас банкет.

Улыбаюсь. Он мне изменил. Гад и козел. Я его выведу на чистую воду. Я точно не мудрая женщина. Не могу простить, не хочу.

Глава 10

Константин

– Расслабься, Костик-котик, у твоей старухи просто климакс. Тише, тише. Не накормила моего котика старая карга жена, фу какая, – мурлычет Вика. Тонкие пальчики массируют мои плечи. Комната головокружительно пахнет женщиной, желанием, приторными благовониями. Машка терпеть не может такие ароматы. У нас дома всё стерильно. Было, до сегодняшнего дня. Какая вожжа ей под хвост попала? Неужели Сашка что-то ляпнула? От этой мерзкой суки можно ожидать чего угодно. Хотя… Я ведь не делал ничего предосудительного. Просто позволял внуку общаться с бабушкой. Тут уж вина Машки. Про деньги, которые я беру у тёщи, она не знает. Я уверен. Мать жены старая стерва, но не дура. Она мне обещала, что её помощь останется нашей маленькой тайной.

– Милый, ты слишком напряжён. Надо расслабиться. Я помогу.

Я знаю эти тягучие интонации. Знаю, что будет дальше. Вика скидывает халат, под которым ничего нет, кроме разгорячённого тела. Поджарого, как у скаковой лошади, шикарно-желанного. Я склоняюсь к ней. Тяжёлые груди колышутся прямо на уровне моего лица, и я впиваюсь губами в вишнёвый сосок, забывая обо всём на свете. Машка дура слепая. Она…

– Боже, Вика, я не могу. Я тороплюсь, – задыхаюсь, когда Вика седлает меня. Длинные сильные ноги обхватывают мои бёдра, гоня из головы все мысли и идиотские предчувствия. – Я заехал ненадолго. Мне надо…

– И мне… Мне очень надо, – огненно выдыхает моя… чёрт, любовница. – Тебя, всего, целиком. Хочу.

Что я чувствую, кроме оглушительного оргазма, разлагающего меня на атомы? Восторг? Наверное, нет уже. Я привык к этой эйфории. Мне с Викой сногсшибательно. Но жена… Не могу её бросить. Тогда придётся менять всю свою жизнь. А моя меня устраивает, как это ни цинично.

– А что если твоя жена вчера была с другим мужиком? Ты не думал об этом? – тянется, как кошка, Вика. Красивая, но не шикарная. В Машке есть порода. В Виктории – дикая сексуальность. Я не знаю почему, но слова любовницы режут, словно лезвия. Да ну, глупость какая. Машка ест у меня с руки. Она бы ни за что не вымазалась в дерьме. Она моя жена. ЖЕНА, которую я воспитал удобной и послушной. И именно это теперь меня в ней бесит. Я ищу другого в чёртовке, лежащей на кровати, бесстыдно раскинувшей ноги. Не стесняясь, плюя на условности, чопорность и правила.

– Не неси ерунду, – морщусь. Застёгиваю манжеты рубашки, до хруста наглаженной Машкой. – Вик, послушай, я думал сделать…

Перерыв. Мне нужен перерыв. Мне кажется, что если я не остановлюсь, то будет катастрофа. Хотя, как-то мне удавалось годами выруливать. Все будет номально. Все будет зашибись. О, боже, что творит эта женщина. Сводит с ума.

– Мне подарок? – хмыкает моя красавица, разрушая все мои правильные установки. Ну какой на хрен перерыв. Я без неё сдохну от скуки и преснятины. – Слушай, я вчера сумку купила, и денежки, что ты мне дал, кончились. А там к ней такая шикарная косметичка…

– Что там за сумка такая? Я тебе сотку вчера скинул? Вика, надо учиться жить по средствам.

– И трахаться по будешь по средствам? – скалится чёртова дикая кошка. Ноги разводит. У меня снова тяжелеет в паху. – Иди к жене, она тебе отсыплет дешёвого и некачественного.

Чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт. Соваться сейчас к тёще снова – просто убийство. Лезть в деньги на хозяйство – объясняться с женой. А мне нечего ей сказать. Чувствую себя загнанным.

– Придётся тебе сдать сумку, – кривлюсь я. Чёрт, мне нужны деньги, а я всё вбухал в развлечения Викуси. – Детка, потом купим ещё лучше. Просто сейчас не то время. Мне коньяк, мать его, не на что купить. Машка встала в позу с утра. Я, собственно, приехал деньги у тебя…

– Сдать? Милый, а ты ничего не перепутал? – приподнимает идеальную бровку Викуся. – Ты и так меня не очень-то балуешь. Всё на жену уходит? Я не стану позориться и сдавать то, что купила. И я хочу чёртову косметичку. Мало того, что я тебе недожена. Ты мне что обещал? Я хочу быть твоей полностью, жить в твоём доме, сына твоего воспитывать. Я хочу своего родить. Потому что люблю тебя. Я хочу всё это. А ты мне просто сумку зажал? Ты же богатый мужик и не можешь без жены вздохнуть. Не можешь корягу свою старую на место поставить?

– У нас счёт общий. Вика, чёрт, не время сейчас. Я же объяснял. А потом всё вот так нельзя делать на рывок. Ты хочешь всё, но если поспешить и не обдумать всё, то моя жена будет претендовать на половину имущества. Потерпи. Просто потерпи. Я всё решу. Уже говорил со своим юристом. Ну что ты, кот, – целую её в нос, чуть вздёрнутый, красивый до ужаса. – Ну хорошо, купи себе эту грёбаную косметичку. Деньги оставлю в прихожей. Закройся, не забудь, как всегда. Малыш, я правда опаздываю, – снимаю руку Вики с моей ширинки. Ещё немного – и я останусь. Чёрт, запонку потерял. Машка их дарила. Дорогие, брендовые.

– Люблю тебя, – мурлычет моя кошка. – Хочу всего. Ты мой шикарный мужчина. Ты мой. Самый умный. Самый заботливый. Самый сильный. Рррр. И это я должна сегодня ехать с тобой в гости к начальнику. Я.

– Мне пора, детка, – я не говорю ей слов любви. Не могу. Она просто мне необходима. Как глоток воздуха, как огонь, как… сука, сосуд, в который я могу слить напряжение. – Позвоню.

– Машке своей устрой скандал. Жена, шляющаяся по ночам, – это ли не повод для развода? Костяяяя…

Я захлопываю дверь. Я опаздываю везде и всюду. И запонка эта чёртова. Так. И коньяк. На какие шиши я куплю коньяк? Достаю мобильник.

Глава 11

Мария

Наверное, я сейчас должна впасть в отчаяние, рвать на себе волосы во всех местах, до которых могу дотянуться, нервничать, переживать. Наверное. Но…

Я сижу на кухне, подогнув ногу под зад, пью охрененно вредный латте. Заедаю его ужасно калорийной булкой бриош, обмазанной тонной масла и ведром джема, и пытаюсь понять. Зачем, почему, а главное – ради кого я годами отказывала себе в маленьких удовольствиях. Блюла себя, мучила спортзалом, уколами красоты. Сжигала кожу на лице химическим пилингом, терпела шугаринг и чудовищные бьюти-процедуры. Для чего? Чтобы теперь сидеть и думать, а мой любимый муж сейчас у любовницы или всё-таки поехал в магазин за грёбаным коньяком для своего начальника. И знаете что? Я уверена на девяносто девять и девять десятых процента, что знаю, где он. Я знаю. И мне должно быть больно и мерзко. Но…

Опять это чёртово «но», которое меня пугает и озадачивает.

Мне должно быть больно. Но МНЕ НЕ БОЛЬНО, блин. Я просто болтаю ложкой в чашке, слушаю тихий звон металла о фарфор и думаю, что мне вкусно. И всё. ВСЁ.

А так должно быть? Или меня просто накрыла какая-то психологическая гадость типа выгорания?

– Ма, можно я Пашку к нам приглашу сегодня? Вы всё равно отчалите в гости. А мы в комп порубимся. Я ему обещал показать игруху новую, которую мне… папа подарил.

Врёт. Мой сын мне врёт. Я вижу это по бегающему взгляду. Мишутка никогда не умел лгать. У него сразу веснушки на носу ярче становятся, и губы он кривит вот так, когда лжёт. Игру ему купила моя мама. Скорее всего, и кроссовки те шикарные – её дар. И компьютер. И вообще всё.

Кстати, и дом этот мой. Мне подарила его мама на свадьбу. Мне. Дарственную оформила со словами: «Верить мужикам – преступление. Оформишь часть дома на Костика – отзову дарственную».

Я обиделась на неё тогда. Как же, Костик не такой же. Он моя судьба.

Мудрая женщина моя мама.

– Ма, так что? Можно Пашка придёт? А можно мы закажем бургеры? А можно…

Киваю бездумно. Стыдно. Мать я хорошая, и жена прекрасная. Но сейчас мне отчего-то так пофиг на то, что мой дом за вечер превратится в свинарник. Превратится точно. Мишка и его приятели не оставляют шансов ничему в пространстве. И холодильник утром будет пуст. Кстати, надо что-то приготовить сыну. Надо. Надо. Надо.

Где-то в прихожей звонит телефон. Соскальзываю со стула, неторопясь иду в прихожую. Всё тело гудит от напряжения. Или предвкушения. Нервная дрожь, какая-то зудящая. Мобильник нахожу не сразу. От вибрации он свалился за пуфик. Я точно знаю, что звонит муж. И ещё я представляю, как он взбешён. Костя не любит, когда я долго не отвечаю. Особенно если у него проблемы. А у него проблемы. Это точно, как и то, что я их организовала.

– Маша, почему карта не работает? – без предисловий рычит Костик.

– Ну, – закусываю губу. До боли. А раньше я не замечала вот этих ноток в его тоне. Вообще ничего не видела. Слепая была, как крот. Молчу ещё секунду, слушая недовольное сопение. – Из банка звонили. Вчера была подозрительная операция, вот и… Тебе, кстати, тоже пытались дозвониться. И я сто раз набирала. Ты не ответил. Чем таким важным занят был? – главное, чтобы не дрогнул голос. Главное – не дать позорного петуха. Знаю я, чем был занят мой муж. Он трахал свою любовницу. Может, говорил ей слова любви. Или ещё хуже… Хотя что может быть хуже вот такого хладнокровного, наглого предательства? – Короче, велели мне

приехать. Но сегодня офисы не работают. И написать заявление на разблокировку не получится. А что?

– Чёрт, у меня нет налички, – надо же, он растерян. Бедненький. – Коньяк, сука, дорогущий.

– Так ты же из сейфа всю наличку забрал, – снова притворяюсь я простушкой и дурой. Трудно сейчас это делать. Ой как трудно. Хочется рвать и метать. Но я начинаю оправдываться. Костя привык к этому. Не стоит его разочаровывать. Пока не стоит. – Нет, милый, не подумай. Я не проверяла. Просто ты снова забыл закрыть шкаф. А я в салон собиралась на причёску. У нас же мероприятие сегодня, а карту блокнули. Но не пошла. Увидела, что сейф пустой. Котик, там же нормальная сумма была. Должно хватить.

Господи. Меня душит истерический смех.

– Кстати, милый, а сто тысяч с карты куда ушло? Ты же говорил, что такие траты мы должны обсуждать.

– Дома объясню. И вообще, ты меня в чём-то подозреваешь, что ли? Что за контроль, Маша. Я глава семьи. И расходы…

– Прости, прости, ты прав, – включаю я послушную идеальную жену. Такую, к какой привык мой муж. Боже, как мерзко. Какой я была идиоткой. – Не нервничай. Ну без коньяка поедем. Ну купи попроще. На сколько хватит у тебя налички.

– У меня украли деньги, – сипит Костя. Я-то думала, что он уже пробил дно, но ошиблась. Оказывается, мужа-то своего я так и не узнала за восемнадцать лет брака. Жила с чужим человеком – хамелеоном. – Всё. Вырвали сумку из рук…

– Боже. Милый. Надеюсь, непоправимого не случилось? – с придыханием хмыкаю я. Непоправимого. Так и хочется спросить: «Нас не обесчестили?» И хрюкаю я совсем уж неподобающе ситуации. – Надо в полицию. Срочно. Ты не пострадал? О, милый…

– Хватит кудахтать. Я еду домой. Собирайся. Какая полиция. У нас через два часа мероприятие. Приведи себя в порядок. Хоть как-то. Ты должна соответствовать.

Кому? Чему я должна соответствовать? А главное для чего? Чтобы Костя мог пустить пыль в глаза начальнику и новому боссу? С трудом сдерживаюсь, чтобы не дать выход тому, что я сейчас чувствую.

– Я буду готова, милый. Ты опупеешь, – перехожу на грудной многообещающий шёпот. Игривый и сексуальный.

Глава 12

Константин

– Ты еще не готова? Черт, Маша. Я же велел… – почти рычу я. Злость заполняет каждую клеточку моего организма. Ослепительная, до пелены в глазах. Выглядеть я буду бледно сегодня. Явлюсь в дом начальника с пустыми руками, знакомиться с новым хозяином концерна. Я даже не уверен, что горючки в машине хватит на поездку. И виновата в этом эта дура, которая улыбается, как всегда, натянуто и заученно. Идеальная, млять.

– Милый, у нас еще куча времени. Я сейчас доделаю ризотто, накормлю Мишутку и поедем. Надо же еще на ужин ему что-то оставить. Кто знает, насколько мы задержимся. Ну что ты, дорогой, все успеем.

– Чем ты занималась до этого, что все оставила напоследок? – недовольно кривлюсь я. Ярость ищет выхода. Но даже выплеснуть ее у меня не получается на жену. Она слишком правильная, как робот. Сжимаю в кармане ключи, специально, чтоб впились в ладонь. Помогает не взорваться. – Я же просил…

– Ой, представляешь, я стала собираться и вдруг поняла, что мы на пикник едем, и у меня совершенно нет подходящей случаю одежды, – моргает Машка, подливая в сотейник янтарный бульон, исходящий паром. – Я Сашуле позвонила. Она приезжала, мы чаю попили. Я вчера сумочку забыла, оказывается, в баре, представляешь? Кстати. Прости за вчерашнее. Просто у нас с девочками давно не было посиделок. А мама как раз уехала с новым своим сердечным другом покутить. Они у нее все моложе раз от раза, представляешь?

Представляю. А то я не знаю, что эта старая карга, больная бешенством матки, свалила. Я ей звонил. И ей, и всем своим “друзьям-приятелям”. Ни одна сука денег в долг не дала. Словно сговорились все. Унизительно, черт подери.

– Слушай, Сашка мне такоеее рассказала, – Мария мечется по кухне, как сквозняк. От холодильника к плите. Сыплет сыр, похожий на крупную пыль, в свое варево. Не смотрит на меня. Встрепанная, какая-то неуловимо другая. Я не привык ее видеть вот такой. Возбужденной, улыбчивой, странной. – Ну Торжковский. Коть, ну Витька, помнишь? Ну такой с залысинами. Он разводится. Жена его на измене поймала. Там скандал такой был. Она его оставила без штанов. Сашка говорит…

– Сашка просто плетница. И какого хрена ты тащишь ее снова в нашу семью? Ты же сама с ней прервала общение.

– Она моя сестра, Костя, – хмурится жена. Стоит возле ящика с кухонной утварью, выбирает черпак. Дурацкий черпак, на который Машка тратит кучу денег. – Мишутка, иди есть, – кричит Машка. – Сейчас накормлю сына и соберусь. И, милый, будь другом, не стоит учить меня, когда и с кем мне общаться.

Она улыбается. Но в глазах я вижу стальной блеск. Хотя, мне наверняка кажется от нервов. Машка ручная, я воспитал ее под себя. И она в жизни не дернется что-то делать против моих нужд и пожеланий.

– Кстати, ты так и не рассказал, куда деньги перевел. Я так испугалась, думала, мошенники. Они сейчас ужасно изобретательные. Сто тысяч все-таки. Мишке можно было купить кучу полезного. Но ты же в долг дал? Правильно? Надо людям помогать. Но такая сумма…

– У Димки сын заболел. На лечение дал, – отвожу глаза. Не придумал даже правдоподобного объяснения. Слава богу, сын входит на кухню. Валится на табуретку, и Маша на него отвлекается. Квохчет, как клуша. Клуша, черт бы ее подрал.

– О, па, привет. А мне мама разрешила Пашку пригласить, пока вы оттягиваться на шашлыках будете, – Мишка радостно болтает, копается ложкой в ризотто. – Ма, ну фу же. Я не люблю ризотто с грибами. Ты забыла, что ли. Вот Вика… – Павлик Морозов, блин, замолкает

на полуслове. У меня в башке мутится. Ложь гонит меня под откос, разрастаясь и ширясь, как снежный ком.

– Вика? А кто это? – хмыкает жена. – Костя, где ест наш сын?

Она вроде шутит? Бровь изогнута идеально. Машка мне верит безоглядно.

– Наша бухгалтерша. Я как-то ей завозил отчет, а Мишка со мной был. Она его и угостила. Да, сын?

– Да, – сипит Мишка, уткнувшись в тарелку. – Ничего. А ты ешь. Мать старалась. Она у нас готовит божественно. Маш, иди уже собирайся. Опоздаем, – верит. Она верит. Слава богу. Надо быть осторожнее. А с сыном я потом поговорю. Ему нравится Вика. Они нашли общий язык. Вика шикарно ладит с подростками. Мы с ней, собственно, и познакомились, когда я по просьбе жены искал сыну репетитора по языку. Нашел себе, блин. Что она творит языком. Сука, в паху тяжелеет от мысли о чертовке.

– Кстати, Паше можно в гости к нам? – вытаскивает меня из огненных мыслей голос жены. Он же болен? У Димки сын один же? И не используй феминитивы, Костя. Ты же не хочешь, чтобы наш сын говорил неправильно? Не бухгалтерша Вика. А кто?

Кто? Сердце сейчас остановится к херам.

– Бухгалтер. Миша. Правильно говорить бухгалтер, – улыбается Машка. – На ужин вам оставлю сендвичи. А вот с заказом еды придется поврменить. Денег у нас нет сейчас. Карта заблокирована. Но вам и так будет весело.

Бляааа. Врать оказывается целое искусство. Жена щебечет, что-то сыну показывает. Я страшно устал. Словно разгружал вагоны.

– Маш, собирайся. В машине объясню все. И на будущее. Прежде чем разрешить сыну тащить в дом гостей, советуйся со мной, – выплевываю я. Дышу через раз. Это уже не злость, а какая-то яростная паника.

– Ну, вообще-то я имею право разрешать в своем доме все, что пожелаю, – улыбается жена. Меня колет ощущение неправильности. Но мимолетно, потому что… – Прости, в наш дом, Костя. Конечно, в наш. Я что-то устала уже с утра. С банком понервничала. Пришлось дать разрешение на блокировку. Теперь нужно же идти будет, заявление писать. Потом ждать две недели. Морока ужасная. Но ты ведь перезаймешь денег? Господи. Одни проблемы.

Она клюет меня в щеку. Идет, покачивая бедрами, в сторону спальни. Что же делать? Что? Я уже и так должен всем по уши. А мать ее, мать ее, сказала, что вернется через месяц. Карта заблокирована. Просто какой-то замкнутый круг. Валюсь на диван и, кажется, проваливаюсь куда-то, теряя счет времени.

– Я готова.

Голос жены заставляет меня открыть глаза.

– Господи, что с тобой? На кого ты похожа? – сиплю я.

Глава 13

Мария

“Эгегегей, твою мать”

Ну примерно так у меня сейчас в душе звучит эхом “мать, мать, мать”

Даже не больно уже, а вот как-то гулко и пусто. Муж изменил, сын предал. Что это, как не предательство. Он ходит в гости к любовнице отца, ест ее еду. И ему нравится ее чертово ризотто, и зовет он ее Вика, как подружку. И… господи, как гадко.

Я восемнадцать лет не ругалась матом. Не делала маленьких ошибок. Не жила, черт подери.

И сейчас вот хочется выйти в холл, где ждет меня муж, и заорать во всю силу легких вот именно то, что звучит в моей душе.

Но я навешиваю на лицо улыбку, распрямляю спину, приподнимаю подбородок. Я же идеальная жена. Мой муж не должен видеть меня уставшую, унылую, раздраженную.

Но и такой он меня никогда не видел. Внутри такая буря, кто бы знал.

– Я готова, дорогой, – делаю шаг вперед. Слепну от слишком яркого солнца, заливающего гостиную. Очень жаль, что не вижу, поэтому реакцию Костика. Хотя я и так знаю, что у него вытянулась морда. Я его знаю. От и до. Каждый жест, каждую гримассу, родинку, шрам. Я думала, что его знаю. Оказалось, что я ни фига о нем не знаю. Ха…

– Э… Маша, мы опаздываем вообще-то, – это не смешно, морщится муж, справившись с первым обалдением. Смотрит на часы, ноздри раздувает. Злится. Он на нервах весь.

– А что тебя не устраивает? – хлопаю я ресницами. Ненакрашенными ресницами. Непривычно и легко ужасно. – Мы едем на шашлыки. Я оделась соответствующе моменту. Странно, что ты в костюме. Кость, он же дымом пропахнет. Жарить мясо ты ведь будешь, как всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.